

УДК 391(=1.98–81)(=512.157)

ГЛУХАЯ ОДЕЖДА АРКТИЧЕСКИХ АБОРИГЕНОВ В ГАРДЕРОБЕ ЯКУТОВ

Л. Н. Жукова

*Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
E-mail: zjukova@mail.ru*

Одежда пришлых в Среднюю Сибирь предков якутов (саха) в начале II тыс. н. э. извечно была распашной. Под влиянием аборигенной одежды и суровых природных условий в гардероб народа саха была включена глухая «рубаша» (в южной и средней Якутии) и глухая верхняя одежда (в арктических районах). Аборигенным народом на территории Средней Сибири являются юкагиры, следовательно, рассматриваемая одежда была адаптирована якутами из гардероба этого народа.

Ключевые слова: аборигенные и пришлые народы, адаптированная одежда, способы раскроя, глухая и распашная одежда, культурное влияние.

Южные предки якутов, пришедшие в пределы Средней Лены в первой половине II тыс. н. э., имели распашной тип наплечной одежды, удобный для верховой езды. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы древнеякутских погребений (Гаврильева, 1998; Константинов, 1971; Носов, 1988; Окладников, 1955). Древние якуты – коневоды и скотоводы, и оленеводческие тунгусские племена при военных переходах и мирных перекочевках использовали домашних животных под седло и под вьюк, в связи с чем верховая езда потребовала выработки в недрах этих культур наплечной одежды особой конструкции. Именно особенностями хозяйственно-бытового уклада и влиянием мягкого южного климата объясняется наличие распашной наплечной одежды в гардеробе указанных народов.

Опубликованные материалы древнеякутских погребений Центральной Якутии показывают, что верхняя и нижняя наплечная одежда якутов имела распашной крой. Нательные «рубашки» по крою «несколько напоминали халат народов Приамурья или одежду девушки-бурятки, но в отличие от них якутская старинная женская рубашка имеет прямой разрез передних пол и застегивается по средней линии переда слева направо на три пуговицы» (Гаврильева, 1998. С. 35). Вместе с тем исследователь пишет, что «на покрой, украшение и цветосочетание древнеякутской одежды, особенно свадебной шубы тангалай, оказывали влияние

покрой и декор тунгусской, а еще больше – юкагирской наплечной одежды» (Там же. С. 42). К сожалению, этот тезис автор не подкрепляет типологическим и сравнительно-историческим анализом накопленного этнографической наукой фактического материала. Возможно, причиной тому стала слабая изученность древнеюкагирской одежды, ставшей объектом пристального внимания только в конце XX в. (Жукова, 1996, 1999; Иванов, 2001). Исследования древнеюкагирской одежды обнажили множественность белых пятен в изучении древнеюкагирской культуры вообще, нерешенность многих спорных вопросов, поставленных В. И. Иохельсоном в конце XIX – начале XX в. В силу этих причин исследования по костюму древних юкагиров еще находятся в области гипотез и далеки от окончательных выводов.

Древние юкагиры – автохтоны края, и пришедшие позднее тунгусы (эвенки) составляли население Средней Сибири, в пределы которой в первой половине II тыс. н. э. пришли южные предки якутов. Продвигаясь далее на север, якуты вышли к арктическому побережью, и здесь, на севере, их культура претерпела значительные изменения. Традиционная культура северных якутов-оленеводов, как считал И. С. Гурвич, «представляет собой результат сложных и длительных взаимодействий эвенкийской и якутской культур, наслонившихся на какой-то древний аборигенный субстрат» (Гурвич, 1977. С. 236). Определенное влияние культур коренных народов испытывали также якуты центральных и южных улусов.

При изучении генезиса якутской одежды в первую очередь необходимо взять во внимание природно-климатические особенности Северо-Восточной Азии, под влиянием которых у якутов, так же как у тунгусов, появились в гардеробе различные дополняющие утеплители (шарфы; большие, до локтей, рукавицы, ноговицы и пр.); вошли в гардероб предметы одежды аборигенных народов (например, наплечная одежда глухого типа); произошли конструктивные изменения в крое южной распашной наплечной одежды.

Одежда аборигенных народов, будучи хорошо адаптированная к местным погодным условиям, видоизменялась и развивалась под влиянием других факторов. Мы полагаем, что главным стимулом к ее изменению были потребности совершенствования технологий, обновление и усовершенствование способов изготовления предметов традиционной культуры, повышение комфортности и эстетики одежды. Одним из источников получения информации были пришлые племена южного происхождения – в I и II тыс. н. э. прибывшие в Среднюю и Восточную Сибирь тунгусские группы, затем южные предки якутов и русские. Заимствование новых технологий теоретически должно обнаружиться в появлении новых материалов и форм орудий труда и вооружения, жилищ и средствах передвижения, способах изготовления посуды, материале и крое одежды аборигенных народов. Однако отдельные древние формы орудий труда, превосходящие другие своими отличительными утилитарными качествами, сохранялись на протяжении многих тысячелетий. При устойчивом сохранении исходной формы орудия и его основных типологических характеристик менялись материал и соответствующая техника обработки. Показательным примером в этом отношении является так называемый якутский нож. Это орудие с асимметричным сечением древних охотничьих племен Якутии в период каменного века изготовлялось на крупных сколах кости, затем его форма воспроизводилась в бронзовых ножах, а с наступлением эпохи железа – в кованых и литых металлических ножах (Жукова, 2002).

Теоретически каждая новая волна пришельцев несла потенцию новых форм, материалов и технологий, которые избирательно могли быть восприняты аборигенами. Новая волна – это очередной толчок извне для развития и типологического разнообразия аборигенной культуры и широкого, как показали археологические исследования, распространения среди аборигенного родственного массива воспринятых нововведений. Новаторство, приоритетность и приверженность к заимствованиям-нововведениям были основными механизмами выживания местных культур. «Характерно, – писал исследователь культуры северных

якутов-оленьеводов И. С. Гурвич, – что поток нововведений, привнесенных якутами-переселенцами, не просто захватил все области культуры (арктических аборигенов Северной Якутии. – Л. Ж.), а лишь те, где пришельцы могли внести усовершенствования, где их достижения были более значительны и весомы» (Гурвич, 1977. С. 236). Вполне понятно, что каждая последующая этническая волна в той или иной степени видоизменяла облик аборигенной культуры и отдаляла традиционные элементы от исходных форм. «Метисация» – закономерный результат мирного взаимодействия разных традиционных национальных культур. Таким образом, в материальной культуре аборигенных и пришлых народов происходили встречные процессы, в результате которых сложились существующие по настоящее время традиционные культуры малочисленных народов Севера, якутов (саха) и русских старожилов Средней и Восточной Сибири (Жукова, 2005).

Вопрос о древнеякутской одежде все еще остается открытым: имела ли она сходство с древнетунгусской или с распашной древнесамодийской одеждой, отличной от древнетунгусской (Прыткова, 1970). Особое внимание при этом следует уделить одежде народов, проживавших в соседстве с предками якутов в южных районах Сибири.

Древнеякутская распашная одежда не имела нагрудника, характерного для гардероба тунгусских племен. В условиях севера распашную одежду без нагрудника носили некоторые самодийские, угорские народы; не отмечен нагрудник в распашной одежде тюркоязычных народов Алтая (Лукина, 1985. С. 187). Н. В. Лукина, исследовав одежду хантов, писала, что для восточных хантов характерно устойчивое сохранение распашной одежды, которая не могла защитить тело от морозов в такой мере, как глухая. Эта одежда не соответствовала суровым северным условиям, оставляя грудь открытой, «но, тем не менее, как распашную одежду, так и рубаху с нагрудным разрезом обские угры носили без нагрудника... Перед нами яркий пример следования этнической традиции вопреки внешним факторам (которые, казалось бы, должны были ее сломать): суровым природным условиям и этнокультурным связям с народами, имевшими нагрудник» (С. 186–187). Исследовательница задает вопрос, закономерно возникающий после обработки собранных материалов: «Не была ли рубаха у хантов издавна эквивалентом нагрудника?», т. е. была ли глухая рубаха древнейшей нательной одеждой хантов.

Нечто подобное отмечал В. И. Иохельсон у юкагиров в связи с устойчивым использованием ими распашной одежды тунгусского типа. «Узкие штаны, передник, закрывающий грудь и живот, и верхняя одежда, обтягивающая плечи и спину, с

развешиваемыми и открытыми полами делает этот костюм непригодным к морозам и ветрам севера. Этот тип костюма выработался в лесах Амурского района у охотящихся и ездящих верхом на оленях тунгусских племен. Обтягивающая одежда была удобна при беге на лыжах и при езде верхом на оленях в более благоприятном климате, чем на территории проживания юкагиров. В полярном же районе употребление такой одежды – результат обычая, а не комфорта» (Иохельсон, 1926. С. 210). Собранные нами материалы показывают наличие у разных юкагирских групп (народов) глухой одежды (Жукова, 2006), а отсутствие ее у некоторых групп юкагиров можно объяснить их иноэтническим происхождением, например, «юкагиризованные» тунгусы (по В. И. Иохельсону).

Как было отмечено, материалы якутских погребений XVIII в. показывают, что в комплект погребальной одежды якутов входили распашные рубахи, пальто, шубы и дохи. Наличие нагрудника нигде не отмечено. Рубахи, сшитые из ткани, считаются русским заимствованием: «Иногда встречаются остатки нательных рубашек из материи, короткие как у мужчин, так и женщин. Фабричные ткани, безусловно, доставлялись русскими, и рубашки кроились по русским образцам» (Константинов, 1971. С. 67). О нижней одежде якутов конца XIX в. писал В. Л. Серошевский: «В настоящее время только крайние бедняки надевают сон и сангыях (верхняя распашная одежда якутов. – Л. Ж.) прямо на голое тело. Всякий маломальски имущий якут и якутка носят рубаху, по-якутски ырбаахы. Обыкновенно это синяя дабовая рубаха, одинакового для обоих полов покроя. У мужчин она достигает до половины лядвей (бедер. – Л. Ж.), у женщин до колен, у богатых якуток до щиколотки. У богатых она часто ситцевая или из серпинки, цветная, и шьется иногда наподобие блузы. Таковую женскую рубаху зовут “халадай”» (Серошевский, 1993. С. 323). Из описания не ясны особенности раскроя сходных между собой мужских и женских рубах; ключевое значение может иметь указание на женскую рубаху, которую «иногда шьют наподобие блузы» и называют «халадай». Халадай – широко распространенное в XX в. среди якутских женщин всех возрастов платье из ткани глухого покроя. Платье шьют на лифе, со стойкой на пуговицах сзади или спереди, длиной до щиколоток; подол часто украшает «байбара» – широкая полоса-оторочка из той же или другой ткани. Рукав длинный с манжетом. Мужская глухая блуза якутского названия не имела, как распашные рубахи XX в., она называлась «ырбаахы», что явно указывает на ее заимствованный характер. Интересно, что название женской наплечной одежды «халадай» имеется у бурят, но там она распашная с характерной за-

стежкой на боку и тремя пуговицами (МА). Не соотносится ли название этой одежды с известным восточным «халатом»?

Некоторые дополнительные материалы о глухой одежде северных якутов, населяющих северо-западные улусы Республики Саха (Якутия) – Анабарский, Оленекский, Булунский, Жиганский, находим у И. С. Гурвича. Мужские глухие «рубашки (ырбаахы) шили из бумазеи или байки. Они имели прямой перед и зад, снабжались небольшим стоячим воротником. Рукава расширялись у проймы, сужались к кистям и заканчивались манжетами. Справа или слева на рубаху нашивали карман (анныкан). Сохранились воспоминания о том, что лет пятьдесят назад рубаху шили из ровдуги. Однако покрой ровдужных рубах восстановить не удалось. В более отдаленное время рубахе предшествовал нагрудник-передник» (Гурвич, 1977. С. 81). Это описание позволяет определить последовательность изменений нательной одежды северных якутов: нагрудник-передник (с распашной одеждой) – рубаха из ровдуги (глухая или распашная?) – глухая рубаха из ткани, считающаяся русским заимствованием. Эта цепочка вызывает многие вопросы. Например, нагрудник-передник не входил в гардероб пришлых южных предков якутов, он присущ тунгусскому комплекту одежды. Следовательно, его надо рассматривать как указание на тунгусский компонент в этническом составе северных якутов. Известно, что «значительные группы эвенков, эвенов, юкагиров были ассимилированы вилюйскими, индигирскими, колымскими, олекминскими якутами» (Там же. С. 237), и именно через Вилюй шло заселение якутами северо-западной Якутии.

Сообщение об изготовлении рубахи из ровдуги обнаруживает два возможных совершенно различных ее источника: распашные рубахи могли принадлежать пришлому южному компоненту, глухие же указывают на влияние автохтонных элементов. Поэтому определение раскроя ровдужных рубах северных якутов принципиально важно. Изготовление глухой якутской рубахи из ткани в XX–XXI вв. также может иметь два источника: либо это уже отмеченное подражание русским рубахам XVII–XIX вв., либо перенесение на ткань традиции изготовления аборигенной глухой рубахи из ровдуги и меха. В любом случае о заимствованном характере этой одежды говорит ее название, взятое из лексики русского языка – «ырбаахы».

Представляется важным получить определенный ответ на вопрос о распространенности глухой нательной и верхней одежды у аборигенных народов Северной Евразии. Вероятнее всего, по нашему мнению, что пришлые на север предки якутов заимствовали от аборигенного населения одежду глухого типа с раскроем, характерным для

платья халадай; затем от русских были восприняты ткань, некоторые детали кроя (стоячий воротник, манжеты, карман и пр.) и само название «рубаха». Произошла настоящая «технологическая революция» в изготовлении одежды – глухие рубахи аборигенов из местного сырья были заменены на легкие и комфортные, менее трудоемкие в изготовлении, но дорогие по цене. При этом были принесены «в жертву» теплозащитные качества одежды – вряд ли рубахи из бумазеи или байки могли в этом отношении заменить одежду из ровдуги.

Краткое описание раскроя и рисунок платья халадай находим в этой же работе И. С. Гурвича. Женской рубахой дьахтар ырбаахыта северные якуты называли длинное женское платье. «Их шили обычно из ситца яркой расцветки, бумазеи или байки. К короткому лифу пришивали в мелкую складку широкую юбку из двух или четырех клиньев. Низ юбки оторачивался широкой оборкой (байбара), а соединительный шов обшивался кантом яркого цвета. Прямые широкие рукава, узкие у кисти, с манжетами вшивались в мелкую складку. Лиф имел разрез спереди во всю длину. К разрезу к правому или левому борту пришивали планку для петель или завязок. Ворот был круглый. Воротничок – стоячий» (1977. С. 85). Современные нарядные платья халадай центральных якутов шьются так же, но в отличие от описанных дьахтар ырбаахыта иногда имеют застежку на спине, на груди располагают нагрудное серебряное украшение. Такое платье составляет основу национального женского костюма якутки, на него надевают длинный жилет-безрукавку.

Изучение якутских мужских и женских рубах из ткани, считающихся русским заимствованием, может дать очень любопытную информацию. Во-первых, сохранившиеся фрагменты ткани из древнеякутских погребений помогут в отыскании фабрик, снабжавших своей продукцией Северо-Восток Азии; во-вторых, особенности кроя глухих рубах, возможно, укажут на регион, откуда прибыли на Северо-Восток Азии русские землепроходцы. Известно, что пришлые казаки были в основном выходцами из северных русских земель – Вологды, Новгорода, Великого Устюга и др. Значит, подобную конструкцию глухой одежды можно ожидать найти у населения северных русских земель. В соседстве с русскими там издавна проживали коренные северные народы, в традиционном гардеробе которых имелась как глухая, так и распашная одежда. «Рубаху на кокетке носили манси. У северных хантов рубаха-платье на кокетке и с широкой оборкой появилась в начале XX в. Н. Ф. Прыткова отмечает, что по типу она близко примыкает к татарской, и связывает ее появление с влиянием этого народа. Но у татар, так же как и башкир, рубаха с воланом и на кокетке является более поздней. Материалы по сургутским хантам,

не соприкасающимся с татарами, говорят о самостоятельном развитии указанных признаков» (Лукина, 1985. С. 163). В XIX в. глухую полотняную рубаху туникообразного покроя с сарафаном и передником надевали на Кольском полуострове саамские женщины. У передника вдоль подола шла широкая сборка (Лукьянченко, 1994. С. 235). Рубаха на кокетке с оборами имела в прошлом довольно широкое распространение, в Якутии ее носили тунгусские (Василевич, 1949. С. 5) и юкагирские женщины (сообщение Е. Н. Дьячковой 1914 г. р., пос. Зырянка, Верхнеколымский улус Республики Саха (Якутия)).

Высказанное Н. В. Лукиной соображение относительно самостоятельного происхождения женской рубахи с кокеткой и оборами у хантов не позволяет однозначно объяснить происхождение якутского женского платья халадай и мужской глухой рубахи русским заимствованием. Мы видели, что древнеякутская одежда, как верхняя, так и нижняя, была распашного кроя, позднее, в XIX в., и в особенности в XX в., распространение получила глухая нижняя одежда. Тогда же она вошла в национальный костюм якутов. Из этого с большой долей вероятности можно полагать, что в XIX–XX вв. происходило завершение адаптивного процесса якутской культуры к природно-климатическим условиям Средней Сибири и особенностям национально-культурного окружения, вырабатывались основные компоненты якутского костюма и другие составляющие элементы национальной культуры. Одновременно происходил процесс усвоения якутского языка и культуры аборигенным населением, значительно увеличивший численность и ареал расселения народа саха (якутов).

Мы предположили, что русским влиянием является только материал рубахи (ткань) и отдельные детали кроя (воротник, карманы), а глухая основа стана якутской рубахи, вероятнее всего, принадлежит аборигенной традиции. Значит, особенности стана рубахи-платья (лиф-кокетка, два или четыре полотнища основы стана и надставка по подолу) могут быть обнаружены в аборигенной одежде. Действительно, в глухой меховой одежде северных народов имеется близкая конструкция. Н. Ф. Прыткова, исследовавшая изменения в распашной одежде древних самодийцев под влиянием одежды досамодийского населения Западной Сибири и климатических особенностей региона, считала, что у пришлых самодийцев на основе опыта местных групп древних арктических аборигенов сложились три способа раскроя мужской глухой одежды:

1) сшивались по краям две цельные оленишкурки, положенные мехом внутрь и хвостовой частью вниз. Оставляли несшитыми места (проймы) для вшивания рукавов. Низ удлинялся широкой полосой мехом наружу (ненцы);

2) две шкуры прямоугольной формы составляли перед и спинку одежды; между ними по бокам вшивали две небольшие шкуры, перегнутые по вертикали. В этих шкурах путем надрезов делали широкие проймы для рукавов с большой ластовицей. Сверху стан одежды надставляли «кокеткой» (иногда только со спины или переда), снизу пришивали широкую меховую полосу (ненцы);

3) стан одежды состоял как бы из двух частей: одна – до пояса, другая – от пояса до подола. Характерной особенностью покроя этой одежды является отсутствие продольных боковых швов (нга-насан).

На основании полученных данных Н. Ф. Прыткова провела параллели между глухой одеждой самодийцев и северо-восточных палеоазиатов и обнаружила, что перечисленные три способа раскроя находят аналоги в глухой одежде северо-восточных палеоазиатов. Первые два из них известны в чукотско-корякской глухой одежде, третий способ и некоторые детали украшения сопоставимы с современной одеждой азиатских эскимосов. Эти весьма важные параллели позволили Н. Ф. Прытковой сделать предположение о существовании в далеком прошлом общего источника происхождения той и другой одежды: «не исключено, что этим источником могла быть и одежда каких-то групп древних арктических аборигенов» (Прыткова, 1970. С. 94). Возможно, этим общим источником могла быть глухая одежда аборигенного населения Западной Сибири (досамодийского), Средней и Восточной Сибири (дотунгусского и дочукотско-корякского); по предположению некоторых ученых, население на огромном пространстве Сибири составляло родственный между собой уралоязычный этнический субстрат (Симченко, 1976). Сведения по одежде уралоязычных племен этого древнего периода очень немногочисленны. Так, анализ раскроя глухой одежды северо-восточных палеоазиатов (чукчей, коряков, ительменов, эскимосов) привел исследовательницу В. П. Монастырскую к выводу о ее двусоставности. Одежда чукчей и коряков восходит к распашной одежде с нагрудником, подобной тунгусской, а эскимосская, алеутско-ительменная связаны с глухой конструкцией (Симченко, 1976. С. 174). Распашная проточукотско-корякская одежда в условиях Арктики была адаптирована к местным природно-климатическим условиям на основе опыта местных племен. Отсюда происходит сходство конструкции чукотско-корякской одежды с самодийской, которое и позволяет определить гипотетическую одежду древних уральцев. Не исследован еще раскрой дотунгусской глухой одежды древних племен Якутии, однако не приходится сомневаться в том, что здесь могла бытовать одежда, аналогичная по крою са-

модийско-палеоазиатской. В этом плане глухая одежда якутов может дать нам некоторые ценные сведения.

Среди способов изготовления глухой меховой одежды, выявленных Н. Ф. Прытковой, нас в данном случае интересует второй способ, предполагающий кокетку, 2–4 полотнища стана и меховую оторочку (опуван – у коряков). Этот крой был известен некоторым народам Западной Сибири и народам Крайнего Северо-Востока Азии (чукчи и коряки); вполне вероятно, что в Северной Евразии он имел более широкое распространение. С появлением новых материалов (ткани) и новых технологических возможностей, принесенных русскими, народы Севера перенесли на новый материал свой традиционный крой, что мы видим на примере изготовления широко распространенной в Сибири женской рубахи-платья с оборами по подолу и мужской рубахи на кокетке.

Таким образом, якутская глухая рубаха косвенно указывает на конструкцию одежды древних аборигенных дотунгусских племен Якутии, и крой ее обнаруживает аналог самодийско-палеоазиатскому. Южные предки якутов в процессе адаптации своего гардероба к климатическим условиям севера и в результате контактов с местными аборигенами восприняли у последних меховую и кожаную наплечную одежду глухого типа, а с появлением ткани, как и другие народы Сибири, перенесли на нее уже усвоенный раскрой, дополнив некоторыми деталями (воротник, карман и пр.).

К вышеизложенному можно добавить, что нательные распашные рубахи в древнеякутских погребениях были короткими как у мужчин, так и у женщин; с течением времени глухие рубахи-платья халадай стали шить длинными.

Что касается верхней одежды якутов, то на севере она также претерпела изменения. Якуты стали использовать верхнюю одежду не характерной для них конструкции: «Дохи (дахи), парки (парки), куклянки (куклянки), кукашки (кукашки) – редко шьются якутами самолично, чаще они покупают их готовыми у чукчей, тунгусов и юкагиров. Их названия: даки, парки, кукашки, куклянки и проч. позаимствованы якутами у русских, а на материал для них употребляются исключительно олени меха» (Серошевский, 1993. С. 321). В 30–40-х гг. XX в. виллойские якуты носили сукуй – глухую одежду из выделанной кожи (сообщение к. ф. н. Е. С. Сидорова). Исследования одежды северных якутов в 60-х гг. XX в. показали, что «наряду с распашной одеждой в тундровых районах пастухи и каюры носили и глухие дошки (сокуй) поверх обычных зимних дошек. Название глухой дошки свидетельствует о ее самодийском происхождении. Глухая одежда этого вида была известна и соседям северных якутов – юкагирам, эвен-

кам, долганам... Глухую одежду – кухлянки приобретали у долган, ненцев, все же мастерицы из северных якутов умели кроить и шить эти виды одежды и изготавливать их, если в этом была необходимость» (Гурвич, 1977. С. 85–86).

Так, приведенные материалы по глухой одежде якутов с привлечением данных по одежде народов Западной, Средней и Восточной Сибири позволили совершить экскурс в историю на значительную хронологическую глубину. Широкая ретроспекция показала, что глухая одежда в гардеробе якутов, безусловно, принадлежит к позднейшим приобретениям, но она сохранила и донесла до современности некоторые особенности костюма древних аборигенов, с которыми якуты вступали в контакты в процессе освоения края. Предложенный метод сравнения и сопоставления одежды разных народов позволяет с оптимизмом воспринимать попытки исследователей реконструировать одежду древнего населения Северной Евразии, в том числе праюкагиров.

ЛИТЕРАТУРА

Василевич Г. М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // СМАЭ. – Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 11. – С. 42–61.

Гаврильева Р. С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. – Новосибирск : Наука, 1998. – 143 с.

Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов: (К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа). – М. : Наука, 1977. – 247 с.

Жукова Л. Н. Одежда юкагиров : уч. пособие. – Якутск : Якут. край, 1996. – 143 с.

Жукова Л. Н. Одежда юкагиров: генезис и семантика : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Якутск, 1999. – 15 с.

Жукова Л. Н. Феномен «якутского» ножа // Илин. – 2002. – № 1. – С. 56–60.

Жукова Л. Н. Северная Евразия: адаптивные изменения в одежде аборигенных и пришлых народов // Вестник СВНЦ ДВО РАН. – 2005. – № 3. – С. 85–90.

Жукова Л. Н. Одежда глухого типа в гардеробе одулов (юкагиров). – Якутск : ИПМНС СО РАН, 2006. (В печати).

Иванов В. Х. Этнокультурные взаимосвязи и взаимовлияния у народов Северо-Восточной Сибири : (По материалам традиционного декоративно-прикладного искусства). – Новосибирск : Наука, 2001. – 157 с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. Н. А. Мальцевой. – Лейден ; Нью-Йорк, 1926. – Архив ЯНЦ СО РАН. Рук. фонд. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 133.

Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). – Якутск : Кн. изд-во, 1971. – 212 с.

Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1985. – 364 с.

Лукьянченко Т. В. Традиционная одежда кольских саамов. Проблемы этнических контактов // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. – М., 1994. – С. 232–245.

Носов М. М. Художественные бытовые изделия якутов XVIII – начала XX века. – Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН СССР, 1988. – 104 с.

Окладников А. П. История Якутской АССР. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – 432 с.

Прыткова Н. Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. – Л. : Наука, 1970. – С. 3–99.

Серошевский В. Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН, 1993. – 713 с.

Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. – М. : Наука, 1976. – 312 с.

Поступила в редакцию 01.02.2006 г.

HIGH-NECKED BUTTONED CLOTHES OF THE ARCTIC ABORIGINES IN DRESS TRADITIONS OF THE YAKUT PEOPLE

L. N. Zhukova

The predecessors of the Yakut (Sakha) people, who came to central Siberia in the first half of the second millennium AD, at first had their clothes loose and unbuttoned. Owing both to indigenous traditions and harsh arctic conditions there, they began to wear high-necked buttoned shirts («rubakha» in southern and central Yakutia) and high-necked buttoned overcoats (in the Arctic areas). The Yukaghirs have been indigenous people throughout the territory of Central Siberia, so it was their clothes' style that was adopted by the arriving Yakuts there.

Key words: indigenous and alien people, adopted clothes, dress-making technique, high-necked and loose unbuttoned clothes, cultural impact.